

Школа Дудинской

Блеск техники, бестрепетная улыбка, захватывающая стремительность танцевальных пассажей, графичная четкость силуэтов, властный темперамент, блистательная точность «па» — такой мы представляем себе Наталию Дудинскую. Для нас, двадцати-, тридцатилетних, танцующая Дудинская уже легенда. Представление о ее искусстве мои ровесники черпают из фильمو-балетов с ее участием, из многочисленных фотографий. из рассказов очевидцев, из литературы.*

Когда мы смотрим фильмы, сохранившиеся для нас искусство Дудинской, поражают немислимый темп и одновременно ювелирная отделка движений. Дудинская с наслаждением «раскрывает» танец, показывая его сложнейшую структуру, его совершенство и его возможность. Дудинская была Балериной в прежнем и высшем смысле этого слова, когда оно не стало еще нейтральным обозначением профессии, а было званием, которое получали лишь танцовщицы, достигшие высот мастерства. Одна из посвященных ей статей в 1956 году так и начиналась словами: «Дудинская — балерина. Казалось бы, это само собой разумеется, раз речь идет об артистке, вписавшей много замечательных страниц в историю балетного искусства. Но в спорах о современном балете право носить имя балерины приобрело сейчас особый смысл. ...Важно, что Дудинская своим искусством отстаивает первенство танца в балете, создает образы своих героинь именно танцем». Эти слова критика означают, что академический канон Дудинская пронесла сквозь эпоху «драмбалета», отстаивала его в те годы, когда ценилась совсем другая эстетика, когда балет откровенно ориентировали на драму, а правдой сценического образа объявлялась правда жизнеподобия. Дудинская не просто отстаивала первенство танцевального языка — она завоевывала и утверждала свое право быть Балериной.

Ученица А. Я. Вагановой, одна из «звезд» прославленной плеяды советских балетных артисток, она была и наследницей великих петербургских виртуозок. Она была ослепительна. Ее победоносный танец был обращен к залу, она танцевала для публики и на публику. Это можно понять даже по ее сценическим фотографиям; на ясном лице, во

взгляде всегда можно заметить отпечаток светской уверенности; сивозы лирический, печальный или гордый облик ее героинь непременно проглядывает сама Дудинская — танцовщица, артистка, привыкшая блистать и гордая своим талантом. При этом танец ее отнюдь не превращался в бездушную демонстрацию голыи техники. Дудинская обладала подлинным артистизмом, но не антерским, а чисто танцевальным, исполнительским, балеринским. И танец ее был насыщен ясной и жизнеутверждающей волей. Не случайно же одной из лучших ее ролей была Китри в «Дон Кихоте». И не случайно В. Чабукяни специально для нее поставил «Лауренсию» — балет, сам сюжет которого требует от исполнительницы главной роли гетического пафоса, страстности и напряженного аматизма.

Анализируя творческую индивидуальность Н. Дудинской, Юзовский говорит о «сложной математике танца». Это очень верные слова. Ее искусство действительно выросло из безукоризненной, математической точной школы. И поэтому, видимо, закономерно, что после ухода со сцены ее дальнейшая творческая жизнь оказалась связанной именно со школой: Дудинская стала одним из ведущих педагогов Ленинградского академического хореографического училища имени А. Я. Вагановой.

Дудинская по-прежнему играет большую роль в жизни современного балетного Ленинграда, и мы хорошо знаем ее теперешнюю: на концертах училища отмечаем про себя ее воспитанника — девочку из «класса Дудинской», следим за успехами более старших ее учениц, танцующих в наших театрах. Учениц Дудинской очень много, причем не только в Ленинграде и даже не только в нашей стране. Есть, однако, еще и последовательницы Дудинской, ее школа в более широком смысле. Виртуозный, академический танец, который она демонстрировала на сцене, продолжает жить, к нему огромный интерес — и у исполнителей, и у зрителей.

Инна СКЛЯРЕВСКАЯ.

ЛЕНИНГРАД.

122 АВГ 1987

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Г. Москва